

Section 9. Philology and linguistics

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-4-91-96>

*Alimova M. Kh.,
Ph.D. Associate Professor
of the Department of Theory and Methods
of Teaching English language TSPU
named after Nizami Chilanzar district,
Tashkent, Republic of Uzbekistan*

SYSTEMIC-FUNCTIONAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS

Abstract. The article deals with systemic-functional approach to the definition of word – structure developed by traditional, home and foreign linguists (I. A. Boduen de Kurtene, F. F. Fortunatov and others), and this approach is used in the process of typological comparison of the English, Russian and Uzbek languages' word structure. Analysis of the compared languages' word-structure shows that this approach is convenient in the process of the definition of grammatical and non-grammatical categories existed in the languages of different types, and gives the chance of concretizing polysemantic features of grammatical forms proceeding from the position of their usage or depending on the context.

Keywords: and expressions: phraseology of word -structure, signs of things and concepts, speaker's attitude towards the utterance, holistic character of grammatically formulated word.

*Алимова М. Х.,
к.ф.н. доцент кафедры теории и методики преподавания
английского языка ТТПУ имени Низами
Чиланзарский район, г. Ташкент, Республика Узбекистан*

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье анализируется структура слова исходя из системно-функционального метода, который развился традиционными, отечественными и зарубежными лингвистами (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов и другие). Этот подход применяется при типологическом сопоставлении структуры слова в английском, русском и узбекском языках. Анализ фактического материала сопоставленных языков показывает, что системно-функциональный метод описания языков различных типов является непротиворечивым при определении

грамматических и неграмматических категорий, существующие в сопоставляемых языках, также дает возможность конкретизировать полисемантическую грамматическую форму слова в зависимости от позиции их употребления или в зависимости от контекста.

Ключевые слова и выражения: фразеологичность структуры слова, признаки вещей и понятий, отношение человека к высказыванию, целостный характер грамматически оформленного слова.

Современный этап в развитии лингвистической мысли характеризуется общим интересом к использованию языка в речевом взаимодействии коммуникантов. Лингвистика на современном этапе характеризуется интенсивным развитием системно-функционального подхода к описанию языковых единиц. В статье рассматривается типологический анализ форм слова исходя из структурно-семантического подхода, который развился традиционными, отечественными и зарубежными лингвистами (И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. Ф. Фортунатов и другими).

Типологическое изучение языков разных систем способствует до сих пор не замеченным явлениям в структуре сопоставляемых языков. При помощи типологического анализа выявляются общее и особенное в структуре-языков разных систем. Для выявления типологических сходств и отличий в языках разных типов предоставляется целесообразным рассматривать языковые явления исходя из единой лингвистической интерпретации. Непротиворечивое сопоставление структуры языков различных типов зависит от того какую лингвистическую интерпретацию о структуре слова разделяет автор при анализе. В связи с этим процитируем определения, даваемые некоторыми лингвистами, концепция которых берётся за основу при сопоставлении структуры языков. В. Н. Ярцева говорит, что "... структура слова как единица языка является мерой грамматического строя. Структурный анализ слова исходит из выделения морфем различных типов [15, с. 111] А. А. Реформатский считал большой заслугой ученых после шлейхеровского периода обращение к вопросу о понятии единства слова, которое может иметь разный характер [9, с. 68]. Рассматривая структуру слова А. И. Смир-

ницкий говорил, что определяющим моментом при выделении слова из текста является его грамматическая оформленность: «Слово оформляется определенным образом именно как таковое, как целое» [11, с. 119]. Подтверждая целостный характер грамматически оформленного слова, М. В. Панов также указывает на фразеологичность связи морфем в слове: «Слово – такое соединение морфем которое имеет значение неразлагаемое на значение этих морфем ... или значение слова не равняется сумме значений составляющих его морфем» [6, с. 131–132].

В словах **мечта**, **вышел**, **ночник** в русском, **ўғли**, **икков**, **тергов** в узбекском, **risen**, **broken**, **famous** в английском языках выделяются корневые морфемы и аффиксальные, т.е. служебные морфемы. Как видно из примеров, служебные морфемы конкретизируют значение корневых морфем, завершают их или придают им новые значения, также сочетаясь с ними, образуют новые слова. Итак, различив служебную морфему от корневой, перейдем к разграничению словообразовательной морфемы от словоизменяющей, так как "при системном описании структуры языка ... центральное место должна занимать наука о формах словообразования и словоизменения [14, с. 192–193]. По этому поводу целесообразно рассмотреть сложившиеся определения в лингвистике. Ф. Ф. Фортунатов, разграничивая словообразовательные морфемы от словоизменяющих, говорит, что «... формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли в предложениях, называются формами словоизменения. Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами словообразования в широком смысле этого термина, т.е. по отноше-

нию не только к словам простым, но и к сложным» [13, с.155]. В другой работе он отмечает, что в отличие от форм, обозначающих отношение слова, имеющего известную форму, к слову, взятому без этой формы, в словах со словообразовательными формами обозначается только **соотношение между словами** [12, с. 54]. В число таких словоформ, выражающих по Ф. Ф. Фортунатову, **не отношение между словами**, а – соотношение (подчеркивается М. Х. Алимовой), включаются слова типа: **волк – волки, зверь – звери, прочитав – прочитывать**. Он говорит, что в этих примерах «непосредственно обозначается **соотношение между словами**..., образованными от единой общей основы, несуществующей отдельно от форм словообразования» [12, с. 56]. Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров ограничивают формы: 1) словоизменения от форм; 2) словообразования, называя их терминами; а) синтаксические; б) несинтаксические: «Формальные значения, которые, не изменяя лексические значения слова, показывают отношения между словами, называются синтаксическими. Формальные значения, которые изменяют лексическое значение слова, не показывая отношения между словами, называются несинтаксическими... однако... есть ещё такие синтаксические формы, которые выражают отношение говорящего к высказываемому. К числу их относятся наклонение, время и лицо глагола. **Таким образом, синтаксические формы выражают не только отношение между словами, но и отношение говорящего к тому, что он высказывает**» [1, с. 31–34] – подчеркивается М. Х. Алимовой. В этом отношении целесообразно процитировать слова Е. С. Кубряковой о том, что становление когнитивно-дискурсивной парадигмы в отечественном языкознании способствовало привлечению внимания исследователей языка к тому, как репрезентирован мир в сознании человека и какие структуры знания можно выделить в представлении опыта взаимодействия человека со средой (Кубрякова 2006). Исходя из сказанного можно сказать, что проблема взаимодействия когнитивных и языко-

вых структур в процессах функционирования языка касается синтаксических единиц, которые определяют “природу восприятия и когниции” (Jackendoff 1995). В отечественном языкознании когнитивный подход к анализу синтаксических единиц также можно проследить в трудах упомянутых ниже языковедов: А.М. Пешковский отмечает, что «... между категориями синтаксическими и несинтаксическими (словообразовательными) есть и более тонкая и притом более существенная внутренняя разница. Формы, образующие словообразовательные категории всегда вносят какой – либо новый оттенок в вещественное значение слова. В слове **столы** выражается не то же самое, что в слове **стол**, в слове **столик** представляемый предмет тоже изменяется (уменьшается) и так далее. В словах **похаживает, постукивает** нам представляется не точно такое же **хождение** и стучание как при словах **ходит и стучит**... Напротив, формы образующие синтаксические категории, не изменяют никакого вещественного значения слова. При **словах стола, столу, столом** и т.д. мы все время представляем себе совершенно один и тот же предмет без всяких изменений” [1, с. 32].

Как видно из цитированных выше определений, основатель московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатов и некоторые его последователи первоначально при разграничении форм словообразования от форм словоизменения исходили не из строгих формальных критериев, но также из семантических критериев. Например, формы единственного и множественного числа существительных (стол – столы) или форма уменьшительного значения существительных (стол – столик) относились к словообразованию, поскольку здесь меняется предметное содержание высказывания или, точнее, здесь разные семантические схемы высказывания. Однако это не согласовывалось с общими положениями московской формальной школы, где все виды классификаций должны были исходить из формальных критериев. В связи с таким подходом к вопросу о формах

словообразования и словоизменения, не совсем соглашается А. А. Реформатский, справедливо отмечая, что "... в результате словообразования возникает новое слово (белый – белить), однако в **стол – столы, умный – умнее** ... нового слова не получается: это формы словоизменительные" [10, с. 255] Здесь надо отметить, что ни все словоизменительные формы А. А. Реформатским включаются в синтаксические, так как последние он определяет как формы, зависящие от синтаксических отношений членов предложения (вижу дом, люблюсь домом), несинтаксические формы – это формы, не зависящие от отношений членов предложения, например, в русском языке форма рода и числа у существительных ..., форма наклона и времени у глаголов ..., форма степеней сравнения у прилагательных [10, с. 255].

Изложенное показывает, что Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров и А. А. Реформатский подходили из единых постулатов при разграничении форм словообразования и словоизменения, разница заключается в терминологии. А. А. Реформатский словоизменительные формы (он называет их реляционными по значению) делит на два вида: синтаксические и несинтаксические. К первому виду он относит формы, обозначающие различные отношения между словами. Ко второму – формы, обозначающие отношения говорящего к тому, что он высказывает (наклонение, время, число существительного, уменьшительное значение существительного и др.). Словообразовательные формы, называемые Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым, несинтаксическими, он относит их к деривационным. По этому поводу А. А. Реформатский говорит следующее: «... абстрактное значение..., которое не является уже признаком вещей и понятий, но показывает лишь отношения, устанавливаемые человеком между словами – это реляционные значения. Деривационные значения в соединении с вещественными дают производные значения и образуют область лексических значений» [10, с. 86]. Эту точку зрения разделяет М. В. Панов: «Мена дериваторов образу-

ет разные слова» [7, с. 69] т.е. новые слова, а мена реляционных форм образует новые формы слов.

Основываясь на концепции А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, последователей московской лингвистической школы, для разграничения словообразовательных морфем от словоизменительных можно следующее: словоизменительными морфемами называются такие морфемы, **которые выражают различные: 1) отношения; 2) соотношения между** словами. Первые выражают синтаксические отношения, а вторые – несинтаксические, т.е. отношение к моменту речи, отношение к числу существительного, отношение к высказываемому, отношение действия к субъекту и объекту, (т.е. залог у глаголов), представленные в обобщенном, отвлеченном, абстрагированном виде, так как **формы словоизменения имеют дело с абстракцией, и эта абстракция конкретизируется в зависимости от позиции употребления, т.е. в зависимости от контекста.** Интерпретация приведенная выше показывает, что оба синтаксические и несинтаксические формы словоизменения по значению рассматриваются как **реляционные**.

Признание того, что «**признаки вещей и понятий показывают отношения, устанавливаемые человеком между словами в высказывании**», и их рассмотрение как реляционные значения свидетельствуют о когнитивном подходе который существовал еще в традиционном отечественном языкознании.

Анализ примеров в русском, английском и узбекском языках показывает, что в сопоставляемых языках словоизменительные морфемы, т.е. синтаксические и несинтаксические морфемы могут быть выражены как эксплицитно (аффиксальными или другими грамматическими способами), так – и имплицитно, т.е. **нулевой морфемой**: дом0, стол0, стул0: ед. число существительных в русском, pen0, book0, table0: единственное число существительных в английском, китоб0, мактаб0, дафтар0: единственное число существительных в узбекском;

повелительное наклонение в английском и узбекском: **read0** (the book), **go0** (to the blackboard), (китобни) **ўқи0**, (мактабга) **бор0**; именительный падеж существительных в сопоставляемых языках: **дом0**, **дочь0**, **сын0**, в русском, **school0**, **plant0**, **factory0** в английском, **х**, **овли0**, **кўча0**, **мах**, **алла0** в узбекском. Однако в русском языке в большинстве случаев именительный падеж и единственное число существительных выражаются эксплицитно: **школа** (ед.ч., имен.падеж), **море** (ед.ч., имен.падеж). Словоизменительные морфемы, выражающие синтаксические отношения между словами: форма падежа у существительных: **книга**, **книге**, **книгу**, **книгой** в русском языке, **mother0**, **mother's** в английском, **китоб0**, **китобга**, **китобни**, **китобдан** в узбекском; формы рода у прилагательных: **большой**, **большая**, **большое** в русском; формы падежа у прилагательных: **большому**, **большого** в русском; формы лица и числа у глаголов: **учу**, **учит**, **учишь**, **учат** в русском, **(he) reads**, **I/we/you read0** в английском, **бораман**, **борасан**, **борамиз**, **борасиз** в узбекском. Это формы не зависят от синтаксических отношений членов предложения по согласованию или управлению.

Словоизменительные морфемы, выражающие несинтаксические отношения между словами: формы рода у существительных: **школа**, **дом0**, **море**, **окно**; форма числа у существительных: **стена**, **стены**, **дом0**, **дома**, **море**, **моря** в русском, **pen0**, **pens**, **bench0**, **benches**, **book0**, **books**, **child0**, **children**, **ox0**, **oxen**, **house0**, **houses** в английском, **китоб0**, **китоблар**, **уй0**, **уйлар**, **мактаб0**, **мактаблар** в узбекском; уменьшительная форма у существительных: **стол0**, **столтик**, **дом0**, **домик**; формы наклонения у глаголов: **читаю**, **читай**, **читал бы** в русском, **(I|you|we|they) come0**, **(he) comes** (изъявительное наклонение), **(if he) worked** (сослагательное наклонение), **(you) work0** (in the garden) – повелительное наклонение в английском, **(Мен) ишлайман** (изъявительное наклонение), **ишласа** (сослагательное наклонение), **(сен) ишла** (богда) – повелительное наклонение в узбекском языке; форма

степеней сравнения у прилагательных: **умный-умнее-умнейший** в русском, **high0 – higher – highest**, **red0 – redder – reddest** в английском, **баланд0 – баландроқ**, **кенг0 – кенгроқ** в узбекском; форма времени у причастия: **смотрящий-смотревший**; **играющий – игравший** в русском, **writing – written**, **breaking – broken** в английском, **ёзаётган – ёзган**, **ўйнаётган – ўйнаган** в узбекском; форма залога у глаголов: **пишу – пишется** (активный/пассивный залог), **учу – учусь**, **одеваю – одеваюсь** (активный/возвратный залог) в русском, **wrote – was written**, **broke – was broken** (активный/пассивный залог) в английском, **юваман – ювилди**, **ёзаман – ёзилди** (активный/пассивный залог), **юваман – ювиндим** (активный/возвратный залог) в узбекском.

Положительная степень прилагательных в английском и узбекском языках выражается нулевой морфемой, т.е. имплицитно: **red0-redder-reddest**, **wide0 – wider – widest**, **узун0 – узунроқ**, **яхши0 – яхшироқ**. В русском языке положительная, сравнительная и превосходная степени сравнения выражаются эксплицитно, т.е. аффиксальной морфемой: **высокий-выше-высочайший**, **умный-умнее-умнейший**. Повелительное наклонение в английском и узбекском языках выражается нулевой морфемой: **read0** (the book), **write0** (the letter), (китобни) **ўқи0**, (хатни) **ёз0**, (мактабга) **бор0**. В русском языке данное грамматическое значение выражается эксплицитно: **читай** (книгу), **пиши** (аккуратно), **ходи** (быстрее). Активный залог глагола в английском языке выражается нулевой морфемой: **(I) write0** (a letter), **(you) read0** (a book), (кроме 3-го лица ед. числа в Present Simple): **(he) reads** (a book), **(he) writes** (a letter), в узбекском языке в таком случае к корню или к основе глагола прибавляется аффиксальные морфемы категории лица и числа.

Анализ материала в сопоставляемых языках показывает, что **синтаксические** и **несинтаксические аффиксальные морфемы, также нулевые морфемы** выражают отношение между словами в предложении и отношение говорящего ко времени

действия, к степени сравнения прилагательных, к количеству предметов, отношение говорящего к высказываемому; поэтому они называются реляционными, а те морфемы, которые служат для образования новых слов, являются деривационными. Подобный принцип системно-функционального описания языков различных типов является непротиворечивым при определении грамматических и неграмматических категорий, существующий в сопоставляемых языках, также дает возможность конкретизировать полисемантическую грамматических форм в зависимости от позиции употребления, т.е. в зависимости от контекста.

Анализ структуры слова в разносистемных языках на основе системно-функционального подхода еще раз демонстрировал, что язык – это система, и выбор, доступный в любом варианте языка, отображается с использованием инструмента

представления системного анализа. Системно-функциональная лингвистика рассматривает язык, развивающийся под давлением определенных функций, которые должна выполнять языковая система. По М. Халлидею, все языки включают в себя три обобщенные функции или метафункции: одна истолковывает опыт (значения внешнего и внутреннего миров), вторая вводит социальные отношения (значения, связанные с межличностными отношениями), а третья объединяет эти две функции для создания текста (формулировки). Таким образом, функции влияют на все уровни структуры языка. Так как эти функции возникают одновременно, ничего нельзя сказать о мире, не имея ни реальной, ни виртуальной аудитории, так как язык должен иметь возможность объединить эти значения – это является функцией структурной организации, грамматической, семантической или контекстуальной.

Список литературы:

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. – М., – Ч. 1. 1945.
2. Алимова М. Х. Некоторые соображения об отношении морфологического каузатива к категории залога в глаголе // *Scientific Journal: European Science*. – № 9 (41). 2018. – С. 28–32.
3. Алимова М. Х. Некоторые типологические особенности слова в структуре узбекского языка. // *Scientific Journal: European Science*. – № 10 (42). 2018. – С. 38–42.
4. Alimova M. Kh., Jilina O. Yu. Expression of causative meaning in the structures of the Uzbek and English languages // *Central Asian Journal of Education*. – Vol. 4. 2019. P. 2–39.
5. Кочергина В. А. Введение в языковедение. – М., 1979.
6. Панов М. В. О слове как единице языка // *Учен. зап. Моск. пед. института им. В. П. Потёмкина*. – М., 1956. – Вып. 5.
7. Панов М. В. Русский язык // В кн. *Языки народов*. – М., – Т. 1. 1966. – С. 55–122.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 4-е изд. – М., 1956.
9. Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // В кн. *Морфологическая типология и проблема классификации языков*. – М.-Л., 1965.
10. Реформатский А. А. Введение в языковедение. 4-е изд. – М., 1967.
11. Смирницкий А. И. К вопросу о слове // В кн.: *Вопросы теории и истории языка*. – М., 1952.
12. Фортунатов Ф. Ф. Лекции по сравнительному языковедению. 1900–1901. – М.: МГУ.
13. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – М., 1956.
14. Широков О. С. Введение в языковедение. – М., 1985.
15. Ярцева В. Н. Определение морфологического типа языков // В сб.: *Морфологическая типология и проблема классификации языков*. – М.-Л., 1965.
16. Halliday M. *An Introduction to Functional Grammar*. – London, 1985. – 387 p.